

Антон Кучмасов

Костяной плектр для Терпсихоры

Роман

Москва
Интернациональный Союз писателей
2026

УДК 82.161.1(051)
ББК 84(2Рос=Рус)6
К88

Продюсер проекта
Елена Наливина

Кучмасов, Антон
К88 Костяной плектр для Терпсихоры. Роман. / Антон Кучмасов. —
Москва: Интернациональный Союз писателей, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-6055644-7-8

Какая девочка не мечтает в детстве стать балериной? Но каково это — попасть в плен к древнегреческим богам Аполлону и Терпсихоре и стать проводником их воли в современном балетном мире? Какотреагируют на появление посланницы древних богов нынешние покровители хореографии? При чём здесь Чеширский кот и кто такой загадочный Он? Что на самом деле скрывает занавес Большого театра и что будет, когда квадрига над его портиком начнёт своё движение?

История становления балерины приоткроет вам все эти тайны, а может быть, сделает вас их соучастником.

УДК 82.161.1(051)
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6055644-7-8

© Антон Кучмасов, 2026
© Интернациональный Союз писателей, 2026

Все персонажи, места, их названия, организации, их аббревиатуры и сокращения — плод воображения автора. Любое совпадение с реальными людьми, местами, названиями, организациями, их аббревиатурами и сокращениями случайно. Употребление алкогольной продукции и табачных изделий героями романа не является пропагандой и служит лишь художественным приёмом для раскрытия образов и внутреннего мира персонажей.

Предисловие

Красные башмаки русского Андерсена

Есть одна сказка Андерсена — «Красные башмаки». Девочка надевает их, и они в безудержном танце несут туда, сами не зная куда. Это фабула романа о девочке Лизе, чей танцевальный талант замечают — и куда это ведёт её, точнее, несёт. И — уносит. У Ханса Кристиана есть ещё одна сказка. Про гадкого утёнка. И Кучмасов в этом плане — как русский Андерсен, потому что и его героиня мечтает превратиться в белого лебедя.

Роман построен в декорациях конца 1980-х, без купюр и «косметического ремонта». Где не мечтают о марсианских помидорах. Где отчаянно ждут «Зарю», именуя так пианино. Где пахнет столовскими котлетами и всеми выделениями испуганного организма. Грязный снег, давка в метро, антиэстетика. Поколению Y (миллениалам) хорошо знакомо такое: «Кадр — теперь я в костюме снежинки у ёлки. Следующий кадр — я в пачке из тюля изображаю балерину. Я знаю, что этих фотографий не существует».

Маленькая Лиза Большакова по-настоящему хочет больших ролей. Оправдывает говорящую фамилию. Шаг за шагом — и каждый шаг её семимиллен. Допрепетиция до нервного смеха и забытой на морозе бабушки, сбрасывание проклятия «серой мыши», Италия — она добивается всего. На полумеры Лиза не согласна никогда: «Если не в Большой, то и неча в балерины». Словно если не будет этой мечты, хоть в канаву с бутылкой, как отец, ибо «неча» больше терять. «Внешняя твёрдость — будто обманка: стоило первый раз взять её в руку, отдать ей капельку своего тепла — и лепи что хочешь. Или это она вылепит из тебя что-то или кого-то по своему разумению?» — незамутнённым «внутренним чувствилищем» на первом занятии Лиза ощущает станок.

И она ещё не знает, насколько права. Дети из дисфункциональных семей умеют распознавать малейшие изменения эмоционального климата. Неслучайна сцена, где пьяный отец не за-

мечает потопа, вследствие чего паркет запузырится и станет непригоден — не то что для танца, но и для шага. «Моя комната слишком маленькая, чтобы чувствовать себя большой», — мыслит Лиза Большакова, не чуя себя собою. Ей впору сцена Большого и не давка в метро, а самая что ни на есть Аполлонова квадрига. Ещё бы — когда послевкусие первого занятия перешибается отцовским «вдруг бывает только понос», а встреча после итальянских гастролей оборачивается тремя похоронными гвоздичинами, побег становится делом времени.

Покровительница Терпсихора подарит Лизе всё, что та захочет. Но это будет лишь казаться выбором Лизы. Это всегда будет выбор музыки. Вот сама заносчивая Вера, выбирающая лишь статусных подружек, трётся о прежде неинтересную ей Лизу, как преданная шавка, и постоянно пишет подле неё, повторяя охранительную формулу: «Я люблю тебя просто как друга, ну коне-е-ечно». Терпсихора может заполнить пустую «бабашку» живительным эликсиром — вдохнуть лёгкость виллисы. Will-иса. Волею своей. И потребует цену. Саму жизнь: «Все бывшие артисты балета имели неопределённый возраст...» Друзей — их нет, есть конкуренты и прилипалы. «Кто из моих одноклассников жертвенно, фанатично, как я, пришёл сюда... отдать свою жизнь Терпсихоре?» — Лизин риторический вопрос. По античным законам. Око за око. Жизнь за жизнь.

Получи жизнь мечты, отдав музе всю свою жизнь, до последней капли пота и крови «костлявого мяса, варева для богини». Так не бережными ли молитвами являются царапки оскорбления Вороны, обращённые к ученицам? Может, ещё не поздно оттолкнуть станок, залечить волдыри и радоваться жизни? Но андерсеновские «красные башмаки» — пуанты, алые от крови, — уже начали свой дьявольский танец, и ничего не остаётся, как всё же перестать путать деми-плие с гран-плие.

Литературный язык Кучмасова сам по себе — искусная хореография. Хотя книга и внушительного объёма, глотать её хочется жадно, как воздух после занятия балетом. Сидим же мы, часами безотрывно вглядываясь в Историческую сцену Большого,

где порхают прекрасные прототипы Лизы, — вот так и эта книга: сквозь какие бы закоулки ни пролегал сюжет, мы летим вместе с героиней в её пуантах, выполняя её па, — все главы называются именно в их честь. И мы вспоминаем, откуда и куда убежали сами. И убежали ли.

Так убежала и бедная кошка — самый страшный символ романа. В её мутных зрачках Лиза видит саму себя. Неотвратимое будущее, как поезд — кошку, рассекает её жизнь на «до» и «после», и красная нить тянется за пуантами. Как викингам служили талисманами когти диких зверей, таким становится для Лизы и готовок мёртвой кошки. От собак, от Вороны, от провала на экзамене. Кумир Лизы, экс-прима народного ансамбля Алёна, говорит о чуде: «Оно разделит твою жизнь на „до“ и „после“ и отрежет от тебя предыдущую жизнь». Поезд, в котором пассажиром не уехать. Можно стать только Карениной от мира балета.

Главным соратником становится Ника, символ победы, — ведь только сильный конкурент-зеркало может помочь стать лучше. К слову о зеркалах — оммаж Л. Кэрроллу и Е. Шварцу есть и здесь. «А если на той стороне живут Амид и Азил и кошка Ясум?» Та Сторона может не пригласить в гости, а лишь забрать навсегда. Поездом. Правда, нужно попасть не в него, а под, что и случается с незадачливым Димкой. Как и перерезанная поездом тощая кошка, это снова отражение самой Лизы. Ведь Терпсихора тоже живёт За Гранью и если забирает, то навсегда и целиком, оставляя этому миру лишь «костлявое мясо». Та Сторона манит и тянет Лизу к себе — это другой берег Москвы-реки, это любое «не здесь». Это и сон, где происходят встречи с Терпсихорой, и инициация, где Лиза просит на неизвестно откуда взявшемся в её сознании чистом греческом: «Дай мне несовершенство, чтобы люди могли любить меня, не возводя на пьедестал».

Меченные музой узнают друг друга по походке и взгляду. «Те, кто на сцене, — такие же зрители. И чем быстрее ты это поймёшь, тем лучше для тебя», — устами кумира Лизы, Алёны, звучит голая правда. Правда-стриптизёрша с шестом, что лишь перевернутый станок. И мы понимаем, что ни тысячи мозолей, ни десятки сно-

шенных пуантов, ни все пятёрки по «классике» не спасут. Ремесло с человеком худо-бедно — фантомной памятью и выработанным навыком — останется. А вот искусство — не игра в театре, а *служение на театре*, вышняя воля Музы священна, и пути её неисповедимы, потому что в этом и есть Он.

Неслучаен в названии предлог «для»: в нём звучит глагол «длить», «продлевать». Как и любая жрица любого искусства, Лиза — не более чем костяной плектр, древний медиатор для арфы Терпсихоры. Пока есть плектры — а они заменяемы, — Терпсихора будет играть. Лиза сама и есть подношение. Да, она — не более чем плектр. Но и не менее чем всю себя она отдаёт музы, не делая ставки на мирское и полностью отторгая его. Как выясняется, и верно — ведь сливает информацию конкурентке человек, на которого и подумать было бы невозможно... И пока кошачий коготок — мини-плектр, роднящий Лизу с музой, — висит на её груди, всё у неё хорошо. А потом коготок стирается из сюжета и Лизиного быта.

Это роман-путешествие в красных башмаках «туда», на Ту Сторону. Без «обратно». Обратно можно вернуться лишь в сладких дымных облаках мнимого хеппи-энда. Это роман-притча: притчи существуют искони, их обожают читать и коллекционировать, но редко когда сопоставляют их теорию с практикумом жизни. Это притча о том, что служение Высшему не терпит полумер. Маленькая Лиза, как помним, полумер тоже не терпела, оттого Терпсихора и сделала ставку на неё. Но однажды Лиза выросла и решила попробовать кроме сигарет и алкоголя ещё и запретный дурман полумер, что и погубило её. Это роман-вопрос. Среди нас много творцов. И мы служим своим музам. Что выберем мы? Что для нас станет личным «Большим театром» и какой будет цена? Это не досуговое чтиво «на разок». Будет очень больно и неизменно завораживающе. Как танец маленькой балерины в той самой, из детства, музыкальной шкатулке. Предашь говорящую фамилию — замолчишь. Крышка шкатулки захлопнется над тобой, и никто не откроет, чтобы по-настоящему Услышать. Пустить в уши звук, а в глаза — «Лебединое озеро» — может быть бисер-

ным дождём перед свиньями, которые мечтают рассказать в родном хлеву, как хрюкали в Большом.

И вот мы знаем о цене больше, чем хотели знать. И цена эта — полная потеря связи с реальностью, погружение в миф от кончика пуантов до плотно зализанного пучка на голове. Закрывается книга, где-то открывается дверь в освещённый спортзал. Или в местное лито. Или в кружок лепки из глины. Перед каждым из нас — своя. Время сделать выбор. Но там обязательно будут ждать чёртовы красные башмаки.

*Стефания Данилова,
поэт, кандидат филологических наук,
основатель продюсерского центра «Всемпоззии.рф»*

Пролог

Я прижимаюсь лбом к холодному стеклу — передо мной огромное окно спортивного зала моей дворовой школы. Оно мгновенно запотевает круглым матовым пятном у меня перед глазами. Я отстраняюсь от него, стягивая зубами мокрую вязаную варежку с руки, — варежка, вся в белых снежных катышках, словно в ледяном репейнике, безвольно повисает на резинке. Я провожу ладонью по стеклу и снова прижимаюсь к нему в попытке разглядеть, что происходит там, внутри, в этот субботний декабрьский вечер.

Уже стемнело, и будто сами собой в нашем дворе зажглись тусклые редкие фонари, отбрасывающие ледяной свет. Совершенно нет ветра, оттого синие снежинки, медленно падающие на землю, кажутся тяжёлыми и задумчивыми. Внутри спортзала, посередине волейбольной площадки, на стуле сидит юноша и внимательными, усталыми глазами смотрит на мальчишку моих лет. Тот в одних трусиках выделяет перед ним какие-то смешные и нелепые па. Это сложно назвать танцем, но юноша серьёзен, ведь мальчик старается. В дверном проёме, по всей видимости, замерли его родители. Держа в руках его одежду и зимние валенки в галошах, они одними лишь глазами переживают за сына, боясь пошевелиться, как будто даже малейшим движением собьют его с ритма, который выстукивает юноша, ударяя себя ладонью по ноге. Квача монотонно, будто подчиняясь неслышному ритму невидимого метронома, капает с галош на крашенные в жёлтый цвет доски пола, но родители не замечают бурой лужицы, растекающейся вниз. Они пристально следят за ногами сына — бледными, жилистыми, тощими и непомерно длинными для его возраста.

На деревянной узкой лавочке, стоящей у противоположного окна, сидят дети — мальчики и девочки. Так же как и танцующий мальчик, они все в одних трусиках, прижимаются синюшными телами друг другу и испуганно, но вниматель-

но смотрят то на его танец, то на юношу на стуле. Они напоминают мне костлявых, полудохлых цыплят, лежащих в ряд мёртвыми тушками на грязном прилавке нашего гастронома. Из таких мама по субботам варит бульон, предварительно отрубив им головы и жёлтые когтистые лапки.

Я делаю шаг назад и поворачиваюсь. Очень хорошо помню тот вечер, тот первый раз, когда увидела Его. По-моему, это произошло именно тогда. Он стоял на противоположной стороне улицы и смотрел в мою сторону. В тот момент я не смогла как следует разглядеть Его — лишь чёрный силуэт и ощущение взгляда, пронизывающего меня, как холод этого зимнего московского вечера. Странно, я совершенно не видела Его лица, но точно знала: Он смотрит именно на меня. С этой минуты, с этого мгновения Он всегда будет смотреть только на меня. Чуть повзрослев, я часто спотыкалась о мысль, что абсолютно не помню себя до встречи с Ним. Как будто до этого момента меня совершенно не существовало. Во всяком случае, для Него, в Его поле зрения. Так, отрывочные блики воспоминаний, как вспышки отцовского фотоаппарата. Кадр — я, совсем маленькая, на руках у матери. Кадр — теперь я в костюме снежинки у ёлки. Следующий кадр — я в пачке из тюля изображаю балерину. Я знаю, что этих фотографий не существует. Может, и существовали когда-то, но сейчас, по прошествии времени, затерялись где-то на просторах моей биографии, а может, всегда были лишь застывшими и выдуманскими картинками у меня в голове. Но даже они со временем стираются, а некоторые и вовсе исчезают, как ненужные, прожжённые умом глупые мысли. Может быть, они и есть мои мысленные фантазии из далёкого детства? Может быть. Я никогда не была уверена на этот счёт. Я смотрю на Его неподвижный силуэт и ощущаю непонятное душевное спокойствие. Спокойствие. Я не была знакома с этим ощущением до встречи с Ним. В нём хорошо. Время течёт медленнее, и голубые снежинки как будто замирают, на мгновение повиснув в воздухе пушистыми каплями.